

стание, противопоставляются «дурные и низшие», причем слово «низший» (*βάνωσος*) может быть передано и как «ремесленник» (Гом. I, 13 A). В данном случае понятие «дурной» имеет социально негативный оттенок. Иногда противоположный «лучшим» элемент имеет конкретную характеристику. Так, у Никифора Григоры «лучшим» («выдающимся славой и родом») противопоставляются ремесленники⁴⁴. Чаще же противопоставление «лучший — худший» или «лучший — дурной» (*ἀριστος — χείρων* или *ἀγαθός — κακός*) имеет чисто этическое содержание (но не без общественно значимого акцента), причем «худшим» мог быть представитель «богатых» (Рост., 733 A, 736 A, 740 B, 744 C, 745 B). Иногда два элемента этого сравнения наполнялись политическим содержанием, как, например, в известном фрагменте Никифора Григоры: «Можно было видеть весь род ромеев расколовшимся на две части. . . Все лучшие (*τὰ βελτίω πάντα*) стекались к тому (Иоанну Кантакузину. — М. П.), все худшие (*τὰ χείρω πάντα*) к тем, кто сидел в Константинополе»⁴⁵.

Традиционное для Византии противопоставление «раб — господин» (*δοῦλος — δεσπότης* или *δοῦλος — κύριος*) встречается в литературе XIV в. не столь часто, как «богатый — бедный» или «лучший — худший». Однако в текстах, насыщенных остро социальным содержанием, отрицательные эмоции по отношению к низшему элементу сравнения передаются через *δοῦλος*. Димитрий Кидонис в «Монодии на павших в Фессалонике», описывая восстание, крайними полюсами участников этого движения называет *δοῦλος — δεσπότης* (Мон., 645 C, 648 D). Раб, противостоящий в сравнении господину, находится у Кидониса рядом с невольником (*ἀνδράποδος*). Восстание, по описанию автора, привело к смене полюсов: «Рабы и бедняки стали господами» (*οἱ δοῦλοι καὶ πένητες κύριοι καταστάντες*. — Мон., 645 C). Из текстов этой эпохи следует, что соотношение «господин — раб», встречающееся реже других двухэлементных сравнений, отражает самое негативное отношение к нижнему элементу, что вполне соответствует духу Византии.

Помимо выделения полюсов общества византийские авторы часто используют термин «средние», относя к ним тех, кто не представляет этих полярных групп. Без сомнения, термин «οἱ μέσοι» почти так же неопределен, как «богатый»⁴⁶. «Средний» — это не «богатый» и не «бедный», не «высший» и не «низший». Именно в таком ключе говорится о «средних» в «Разговоре. . .» Алексея Макремволита. *Οἱ μέσοι* здесь решительно отмежевываются от двух крайностей общества (*τῶν δύο ἄκρων*. — Разг., 200. 18) — знати и нищих. Из текста сочинения явствует, что речь идет преимущественно о городском населении. И «богатые», и «бедные» «Разговора. . .» включены в «середину». Таким образом, мы видим здесь тех, кто трудится, с одной стороны, и тех, кто дает возможность прокормиться, с другой. В «середине» оказываются представители ремесленников и торговцев всех рангов, предприниматели, собственники городских земель и мастерских, т. е. люди, представляющие различные категории населения. Таким образом, «середина» социально неоднозначна. Алексей Макремволит предлагает по сути дела более модифицированный (насколько это позволительно в риторическом сочинении) стратификационный принцип общества. В основе этого принципа лежит четырехстепенное членение общества: «крайность» — знать; «середина» — «богатые»; «середина» — «бедные»; «крайность» — нищие. Автором настолько противопоставляются статусы представителей «середины», что объединить их в один стратификационный срез становится невозможным.

⁴⁴ *Nicophori Gregorae Byzantina historia*, II. Bonnae, 1830, p. 614. 5—6.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 613. 10—11, 16—17. Можно встретить также в византийской литературе сопоставления «селянин — стратиг», «земледелец — стратигот» (Мон., 648 D), «благородного воспитания — совершенно невоспитанные» (*Nicophori Gregorae Byzantina historia*, II, p. 613. 14), но они не носят универсального характера.

⁴⁶ *Sevcenko I. Alexios Makrembolites. . .*, p. 200.